

Н.Б. Виноградов

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
просп. Ленина, 69, Челябинск, 454080, РФ
E-mail: vinogradov_n@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ СИНХРОНИЗАЦИИ, КУЛЬТУРНОЙ БЛИЗОСТИ ПАМЯТНИКОВ СИНТАШТИНСКОГО И ПЕТРОВСКОГО ТИПОВ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Статья посвящена обсуждению проблемы синхронизации и культурной близости памятников синташтинского и петровского типов. Автор отрицает возможность полной синхронизации синташтинских и петровских памятников. Он полагает, что в случае синташтинских и петровских памятников мы пытаемся сравнивать несравнимые явления: материализованные остатки истории общества синташтинских кланов горняков — металлургов — кузнецов — литейщиков и памятники общности алакульских скотоводческих культур.

Ключевые слова: *бронзовый век, Южное Зауралье, Северный Казахстан, памятники синташтинского типа, памятники петровского типа, кланы горняков — металлургов — кузнецов — литейщиков, алакульская культурно-историческая общность.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-038-047

Обсуждаемый сюжет был навеян недавно опубликованной статьей, посвященной новому обращению к материалам исследования укрепленного поселения бронзового века Семиозерное II в Северном Казахстане [Евдокимов и др., 2016]. Памятник был изучен В.В. Евдокимовым в 1970-х гг. Начало и ход его раскопок были анонсированы в ежегодниках «Археологические открытия» [Евдокимов, Логвин, 1972, с. 289; Евдокимов и др., 1975; Евдокимов, Ткачев, 1979]. Материалы раскопок тезисно были обнародованы В.В. Евдокимовым в одном из научных сборников ЧелГУ [1983]. Отдельная статья посвящена особенностям металлопроизводства у обитателей Семиозерного II [Евдокимов, Григорьев, 1996]. Последнее по времени обращение к материалам обсуждаемого памятника зафиксировано мной в учебном пособии по истории степей Центрального и Северного Казахстана в бронзовом веке [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 18–19].

Авторы обсуждаемой статьи считают укрепленные поселения Семиозерное II в Северном Казахстане и Аркаим в Южном Зауралье однослойными, а их население культурно близким и одновременно существовавшим. Но в приведенном иллюстративном ряду керамики Семиозерного II нет соответствий именно распространенным на Аркаиме ведущим *синташтинским* типам сосудов (типы Г I, Г II по типологии Т.С. Малютиной и Г.Б. Здановича). Большинство из представленных на двух иллюстрациях фрагментов керамики и сосудов из раскопок обсуждаемого памятника уверенно ассоциируется с ведущим в авторском понимании *петровским* типом сосудов (тип I Б по авторской типологии начала 1980-х гг.) (рис. 1). Это горшечно-баночные сосуды с утолщением в виде «воротничка» под венчиком с внешней стороны, переходом от тулова к плечу, оформленным в различной степени выраженным ребром и разнесенной по двум трем зонам орнаментацией. Присутствуют на представленных иллюстрациях также и сосуды близких ведущему, но опять-таки петровских типов. Керамике из раскопок укрепленного поселения Семиозерное II действительно, как утверждают авторы статьи, близки сосуды типа Г III из раскопок Аркаима согласно типологии Т.С. Малютиной и Г.Б. Здановича [Малютина, Зданович, 2004, с. 74, рис. 6, 1, 2]. Но и они также принадлежат упомянутому выше ведущему петровскому типу (тип I Б) сосудов.

Стратиграфическая позиция сосудов типа I Б хорошо зафиксирована как в ходе раскопок поселений, так и при исследовании могильников (укрепленное поселение Петровка II в Северном Казахстане, поселение Кулевчи III и укрепленное поселение Устье I, могильник Кривое Озеро в Южном Зауралье). И эта позиция неоднозначна. Слой с сосудами этого типа либо перекрыт собственно алакульским с сосудами с уступчатым плечом и двух-трехзональным размещением орнамента (поселение Кулевчи III), либо перекрывает синташтинский (укрепленное

Проблемы синхронизации, культурной близости памятников синташтинского и петровского типов...

поселение Устье I, могильник Кривое Озеро). Сосуды именно этого типа составляют основу керамической коллекции из петровского слоя укрепленного поселения Устье I, *перекрывающего* (курсив мой. — Н. В.) синташтинский культурный слой [Виноградов, Алаева, 2013, с. 143–178]. Причем речь идет о значительных коллекциях, насчитывающих по несколько сотен сосудов, и однозначных стратиграфических выводах. Особо хочу подчеркнуть, что в то же время в «закрытых» комплексах сосуды этого ведущего петровского типа и керамика ведущего синташтинского типа *никогда вместе не встречались* (курсив мой. — Н. В.). Во всяком случае, опубликованные комплексы могильников Бестамак, Токанай-I и Халвай не содержат таких примеров. Отсутствие совместного нахождения синташтинских и петровских сосудов в «закрытых» комплексах стало одним из основных аргументов для постановки гипотезы о многослойности известного укрепленного поселения Аркаим.

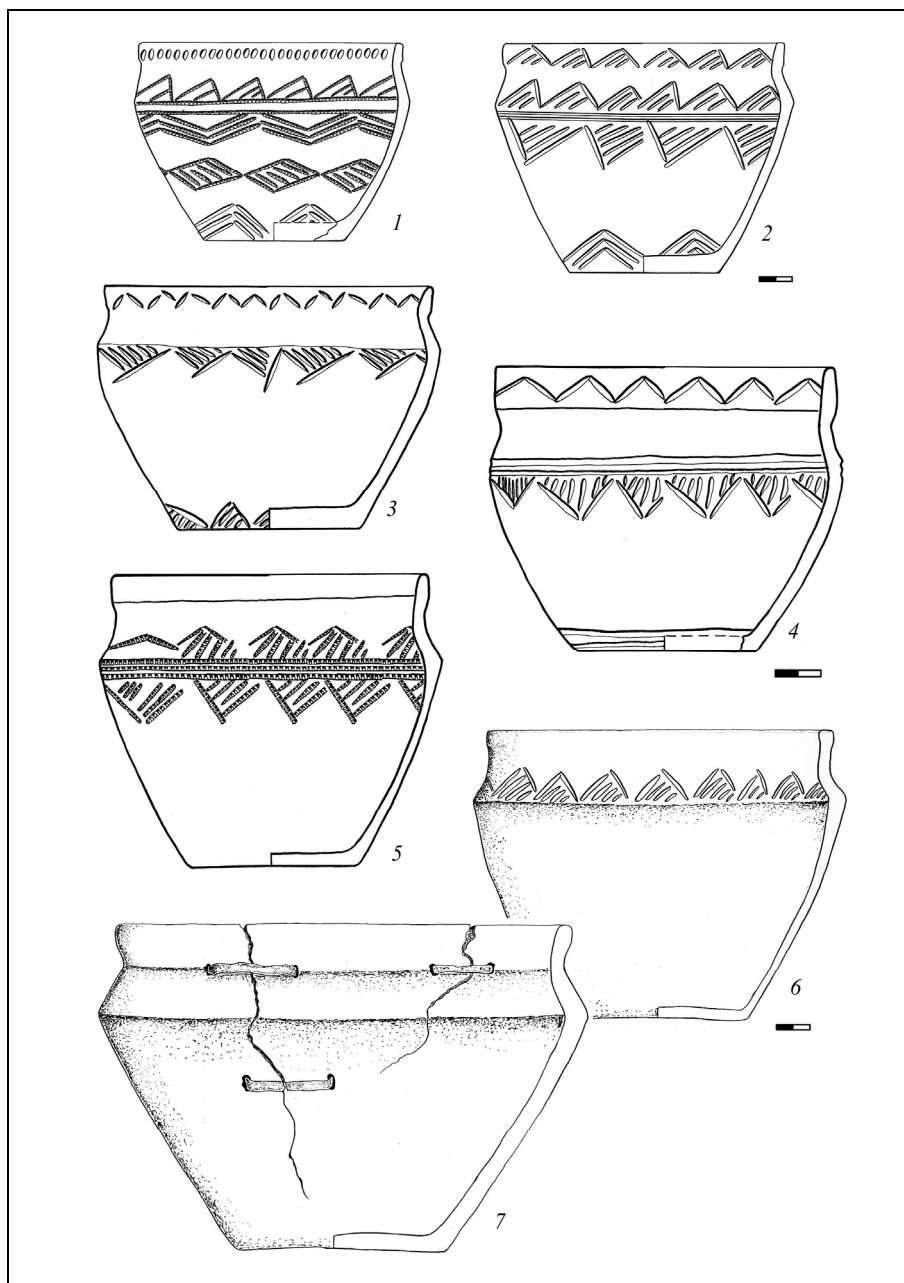

Рис. 1. Керамика памятников петровского типа Южного Зауралья и Притоболья. Тип I Б: 1, 2 — Алексеевское поселение; 3–5 — могильник Степное I; 6, 7 — могильник Грызаново.

Если продолжить обсуждать керамику Аркаима и его «однослойность», то, наряду с синташтинскими и петровскими типами керамики, обращает на себя внимание многочисленная, по мнению авторов типологии керамики укрепленного поселения Аркаим (курсив мой. — Н. В.), группа керамики Г II (2) [Малютина, Зданович, 2004, с. 73, рис. 5, 1–3]. Здесь, по нашему мнению, культурно-хронологическим маркером служит технологическое оформление верха сосуда неким внутренним желобком, придающим сосуду неповторимый и хорошо дифференцируемый облик. Колоритны также тесто, обработка поверхностей, технология выполнения орнамента и его геометризм. Хронологическая позиция подобных сосудов однозначно зафиксирована в петровском погребении 7 кургана 2 могильника Кривое Озеро, где были расчищены два сосуда (рис. 2). Один из них — типа Г III по Т.С. Малютиной и Г.Б. Здановичу или I Б по Н.Б. Виноградову — ведущего в петровском керамическом комплексе. Второй сосуд А.Д. Пряхин и Н.М. Малов единодушно определили как покровский или Г II (2) по Т.С. Малютиной и Г.Б. Здановичу. Опять-таки случаев нахождения подобных сосудов в «закрытых» комплексах вместе с сосудами ведущих синташтинских типов нет. Так что вопрос о многослойности укрепленного поселения Аркаим не снимается с обсуждения.

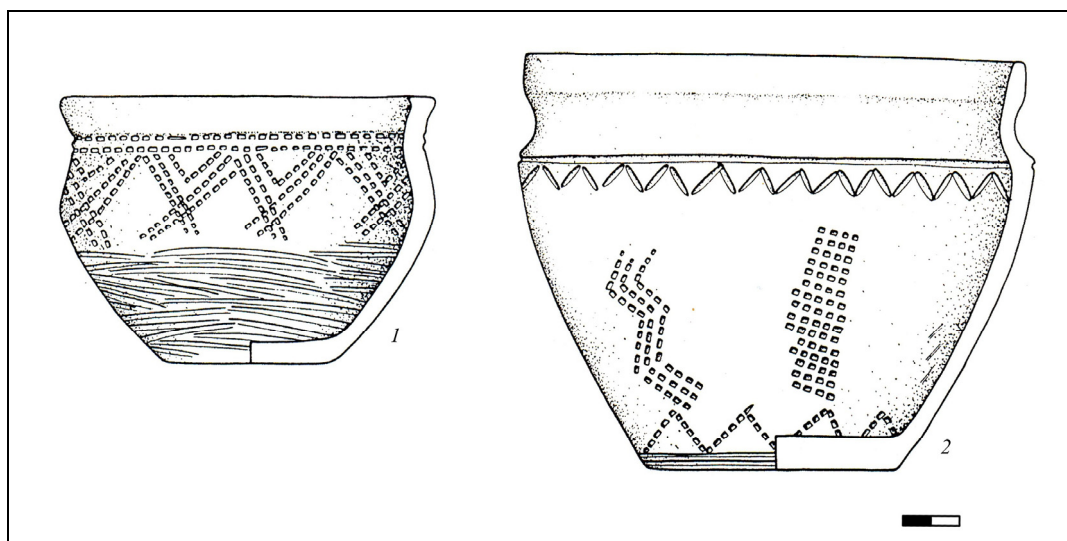

Рис. 2. Могильник Кривое Озеро. Курган 2. Яма 7. Керамические сосуды.

Таким образом, укрепленное поселение Семиозерное II никак не может быть синхронным укрепленному поселению Аркаим, поскольку культурный слой укрепленного поселения Семиозерное II насыщен различными типами лишь собственно петровских сосудов и не содержит широко представленных на Аркаиме синташтинских форм керамики. Наличие и синташтинских и петровских и, возможно, покровских групп керамики позволяет уверенно говорить о многослойности и большей продолжительности (возможно, в виде разорванных во времени эпизодов) истории укрепленного поселения Аркаим в сравнении с укрепленным поселением Семиозерное II.

Обсуждаемая статья с анализом материалов укрепленного поселения Семиозерное II снова возвращает нас к проблеме хронологического соотношения синташтинских и петровских памятников, их культурных дефиниций. Статья в этом смысле вполне созвучна целой серии публикаций, посвященных исследованию памятников бронзового века Северного Казахстана (в частности, это могильники Бестамак, Токанай-I и др.). Их авторы постоянно обращаются к дефиниции «синташтинско-петровские памятники» или «петровско-синташтинские» [Калиева, Логвин, 1997, с. 160; 2011, с. 253; Шевнина, Логвин, 2014, с. 143], подчеркивая культурное единство и хронологическую одновременность памятников синташтинского и петровского типов. По Г.Б. Здановичу (с чем согласны и В.В. Евдокимов и В.В. Варфоломеев), в Северном Казахстане круг памятников петровского типа (в другой версии — петровская культура) оформляется в основном на базе местных энеолитических культур [Зданович, 1984, с. 19; Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 12]. В это же время в Южном Зауралье начинается история населения, оставив-

шего памятники синташтинского типа, в сложении которых С.С. Калиева и В.Н. Логвин опять-таки значительное место отводят аборигенному компоненту — терсекской и ботайской культурам. Они утверждают, что «процесс формирования синташтинско-петровских древностей был сугубо местным явлением» [Калиева, 2005, с. 174] или следствием «сложного взаимодействия» ямно-афанасьевского субстрата и носителей терсекской и ботайской культур [Калиева, Логвин, 1997, с. 162].

Аргументами одновременности бытования синташтинских и петровских памятников могут являться единичные случаи находок в погребальных памятниках Северного Казахстана (могильники Лисаковский, Бозенген, Бестамак, Токанай I) и Южного Зауралья (могильник Степное-7) комплексов архаичных накопителей (тип II по Э.Р. Усмановой и В.Н. Логвину), типичных для синташтинских погребений, с петровскими сосудами [Усманова, Логвин, 1998, с. 13–15, 19–21]. Однако возможно и иное объяснение этих фактов. По моему мнению, подобные факты могут быть характерны для окраин синташтинского культурного ареала и бытовать здесь значительно дольше, нежели на основной территории, выступая в качестве палеоэтнического или социального маркера. Еще один аргумент сторонников синхронизации синташтинских и петровских памятников — специфический внутренний срез венчика, действительно более распространенный на синташтинской керамике и смотрящийся на петровских сосудах довольно архаично. Но объяснения бытованию этого достаточно утилитарного элемента формы на небольшой части петровской керамики Северного Казахстана могут быть самые разнообразные и вряд ли однозначные.

Для разногласий по обозначенному блоку проблем действительно есть очень серьезные основания. За практически полвека, прошедшие со времени начала исследования памятников петровского типа в Северном Казахстане, по ним так не была создана подробная информационная база. Отсутствуют в открытом доступе результаты исследования материальной культуры памятников петровского типа Северного Казахстана на *скрупулезном* источниковедческом уровне с их разнообразными параметрами, доведенными до характеристик отдельного сосуда. Я говорю о скрупулезном источниковедческом анализе, принимая во внимание ту культурогенетическую значимость для судеб целого ряда культур позднего бронзового века степей и лесостепей Южного Зауралья, Курганского Зауралья, Северного и Центрального Казахстана, которой коллеги наделяют петровское население. Определенное исключение составляют материалы эпонимного могильника у с. Петровка [Зданович Г.Б., Зданович С.Я., 1980]. Материалы остальных памятников опубликованы лишь суммарно [Зданович, 1988] либо, как результаты изучения петровского могильника Улубай, не опубликованы вовсе. Однако на концептуальном уровне различные категории материальной культуры памятников петровского типа уже давно определены и охарактеризованы.

Полагаю, коллеги вряд ли сблизят позиции по обсуждаемому блоку проблем до тех пор, пока научной общественности не станут доступны развернутые источниковедческие публикации памятников петровского типа Северного Казахстана, выполненные на уровне современных научных требований и возможностей. Пока не получен этот обширный массив данных, у всех желающих будет необъятное «поле» для самых разнообразных интерпретаций культурных дефиниций, хронологических позиций синташтинских и петровских памятников и взаимоотношений групп населения, их оставивших. И мы будем постоянно сталкиваться с ситуацией, когда в состав петровских записываются самые разнообразные памятники и, напротив, ряд собственно петровских в него не включается [Матвеев, 1998, с. 338].

С другой стороны, даже те достаточно скромные данные, которыми мы обладаем сегодня, позволяют поставить ряд вопросов. Первым в этом ряду будет следующий вопрос: если синташтинские и петровские памятники одновременны, то как объяснить ситуацию, когда все-таки более позднее хронологически, по данным С¹⁴ датирования, уже на петровском этапе истории формирующееся население алакульских культур Южного Урала, Зауралья и Северного Казахстана воспринимает как престижные ориентиры *именно синташтинскую* традицию строительства укрепленных поселений, организацию модели пространства для жизни, включая архитектурный стиль, оформление интерьера, гончарную технологическую традицию, особенности организации металлопроизводства, концепцию погребальных памятников и особенности их функционирования? Причем важно и то, что уже на раннем — петровском этапе истории материальная культура алакульских сообществ демонстрирует такую степень каноничности, которую могло обеспечить лишь ранее культурно родственное население, каковым действительно могли быть только носители квазиэнеолитических культур Южного Урала и Северного Казахстана, т.е.

терсекской и ботайской. Учитывая степень археологической изученности пространства степей Южного Зауралья и Северного Казахстана, вряд ли можно рассчитывать на открытие целого пласта памятников мигрировавшего в эти регионы населения во время, предшествовавшее древностям синташтинского типа.

Несходство между аборигенными культурами позднейшего энеолита и памятниками синташтинского типа очевидно по всем линиям сравнения. И тем не менее я осмелюсь сказать, что именно взаимосвязи этих несходных явлений определили облик основных степных культур позднего бронзового века Южного Урала. На чем основана эта уверенность? Я уже более двадцати лет утверждаю, что укрепленные поселения синташтинского типа в Южном Зауралье населяли специализированные общины горняков, металлургов, кузнецов, литейщиков [Виноградов, 1995]. Причем полностью они были населены лишь часть года. Все остальное время их население было немногочисленным, что и сказалось на масштабах погребальных памятников, относящихся к этим поселениям. Синташтинские поселения были, как я думаю, местами, где происходили периодические встречи их обитателей с представителями аборигенных культур, прежде всего по поводу металла. Обладание металлом и изделиями из него, судя по практически полному отсутствию следов собственного металлопроизводства на памятниках терсекской и ботайской культур, для аборигенов, очевидно, было престижным.

К сожалению, культурогенетические процессы, особенно связанные с кардинальной трансформацией материального мира, археологические методики улавливают лишь в малой степени.

По моему мнению, сравнивая и ставя в один ряд синташтинские и петровские памятники, мы пытаемся сравнивать несравнимые явления.

С одной стороны, можно говорить о том, что за несколько десятилетий осмысления синташтинского феномена его таксономический уровень так и не был определен и объяснен, как и модель его функционирования. Например, не объяснены: наличие в синташтинском гончарстве нескольких культурно-технологических традиций, вызывающих у исследователей ассоциации с различными квазиэнеолитическими культурами и культурами бронзового века; странная тяга синташтинских общин к жизни *исключительно* в монументальных укрепленных поселениях с удивительной степенью стандартизации и «геометризма»; подразделение синташтинской территории на две подзоны: основную — с укрепленными поселениями и несоразмерно малыми с ними некрополями с тотально «богатыми» погребениями и внешнюю ойкумену, представленную отдельными могильниками, а то и отдельными погребениями, включающую на западе территорию распространения абашевских памятников Южного Урала, на востоке — Среднее Притоболье, на юго-востоке — территорию от Южного Зауралья до Верхнего Притоболья и Тургайского прогиба. Каковы были причины и необходимость появления этих синташтинских могильников и погребений в условиях значительной удаленности от укрепленных поселений? Не все коллеги согласны с гипотезой о приуроченности синташтинских и части петровских укрепленных поселений не к определенному ландшафту, а к месторождениям медьсодержащих минералов, к рудным телам вдоль окраин лесных массивов — источников древесного угля.

С другой стороны, уже на раннем (петровском) этапе истории алакульских культур материальный мир памятников разительно отличался от синташтинского. Культурную мозаичность материального мира синташтинских памятников на петровском этапе истории алакульских культур сменили алакульские стереотипы, прежде всего в гончарстве. Своеобразие раннему (петровскому) этапу истории алакульской культуры Южного Зауралья придает сохранение традиции обособленного существования кланов горняков — металлургов — кузнецов — литейщиков за оборонительными сооружениями укрепленных поселений. Как правило, петровские укрепленные поселения возникали на месте подобных же синташтинских. Как и в синташтинское время, это было обусловлено близостью месторождений медьсодержащих минералов. А кроме того, связь локализации петровских укрепленных поселений с развалинами синташтинских укрепленных поселений могла существовать и по причине сакрализации именно этих участков пространства. Необходимо отметить и резкое изменение, в сравнении с синташтинскими памятниками, культурных компонентов петровских укрепленных поселений и связанных с ними могильников. В гончарстве этих памятников прослеживается, помимо выраженной раннеалакульской, некая покровская (срубная) составляющая. Важно понимать и то, что, в отличие от синташтинских общин, творивших чудо металлопроизводства исключительно за оборонительными сооружениями, уже на петровском этапе истории алакульской культуры Южного Зауралья укрепленные поселения соседствовали с многочисленными неукрепленными селищами, в изо-

били выявленными по степным рекам Южного Зауралья [Виноградов, 2011, с. 97, рис. 31]. Последнее. На развитом этапе истории алакульских культур традиция сооружения монументальных укрепленных поселений продолжала бытовать в Северном Казахстане и практически на развитом этапе истории алакульской культуры лесостепей Зауралья появилась в Среднем Приоболжье (укрепленное поселение Камышное II), на границе культурного ареала, но модель функционирования этих укрепленных поселений видится уже другой и не связанной с металлопроизводством. Что касается петровских укрепленных поселений в Южном Зауралье, то необходимость как в них самих, так и в функционировании кланов горняков — металлургов — кузнецов — литейщиков отпала, скорее всего, в связи с началом работы целого ряда мощных горно-металлургических центров на Южном Урале (Мугоджары, Каргалы и месторождения востока территории современной Оренбургской области).

Для автора проблема хозяйственно-экономического основания жизни синташтинских общин и проблема их дефиниции возникли в середине 1990-х гг. Уже тогда я связывал историю синташтинских общин с месторождениями медьсодержащих минералов и специализацией на металлопроизводстве с целым шлейфом общекультурных последствий [Виноградов, 1995, с. 25].

Модель функционирования памятников синташтинского типа, изученная преимущественно на археологическом уровне, далека от подобных моделей жизни, созданных для носителей «стандартных» пастушеских скотоводческих культур бронзового века степей Евразии. Несходство модели происхождения, внутренней структуры и системы функционирования кланов горняков — металлургов — кузнецов — литейщиков, к которым я отношу синташтинские общины с их тотальной «вписанностью» в практику специальной магии, своеобразной, судя по данным этнографии, системой семейно-брачных отношений, и «стандартных» скотоводческих обществ пастухов (к примеру, культур алакульской КИО) становится все более очевидным.

В отличие от пастушеских скотоводческих культур алакульской культурно-исторической общности синташтинские кланы-общины, по моему мнению, являли собой скорее *транскультурный феномен с иной моделью организации жизни, объединявший кланы горняков, металлургов, кузнецов и литейщиков нескольких соседних археологических культур, в частности абашевской Южного Урала, некоей «протосрубной» Южного Урала, и, в меньшей степени (с неким участием), носителей квазиэнеолитических культур Северного Казахстана.*

По моему глубокому убеждению, исследовательские усилия необходимо направить и на переосмысление содержания синхронных синташтинским и явно близких культурно абашевских памятников Южного Урала. «Лабильность» обитателей абашевских поселений, вызывающая восхищение исследователей [Горбунов, 1992, с. 197], легко объясняется через понятую для синташтинских общин нестандартность и креативность модели функционирования, хозяйственно-экономической жизни и вытекавшую из этого нестандартность социальной структуры и политической системы. Монолитность абашевских древностей Южного Урала кажущаяся. Это подтверждает многолинейность погребальной обрядности, безусловное выделение групп в керамическом комплексе, в частности, синташтинской или синташтоидной. В.С. Горбунов, рассматривая синташтинские памятники как вариант абашевской уральской культуры, указывает на то, что и Тюбьяк и Береговские поселения созданы «вблизи выходов рудных тел», а хозяйство их составляло «бесстойловое скотоводство и развитая металлургия» [1992, с. 197].

Также перспективным считаю внесение ясности по поводу статуса и модели функционирования срубного населения Каргалинского рудного поля в интересующем нас в данном случае хронологическом интервале и наличие у него системы контактов и связей с синташтинскими общинами Южного Зауралья.

Данные палеоантропологии, кажется, подтверждают всю сложность культурогенетических процессов, протекавших в это время в Уральском регионе и на прилегающих территориях в условиях краха катакомбного мира и пика многолетней аридизации рубежа III–II тыс. до н.э. Во всяком случае, вывод Е.П. Китова о том, что «максимальную разнородность обнаруживают (краниологические. — Н. В.) серии из синташтинских и петровских памятников», мне не кажется парадоксальным [Китов, 2011, с. 7, 18–19; Хохлов, Китов, 2014, с. 131–142].

К сожалению, часть высказанных мыслей останется в ранге гипотез до получения дополнительных массивов информации по отдельным проблемам.

Скорее всего, синташтинский феномен как сообщество кланов горняков — металлургов — кузнецов функционировал относительно самостоятельно, вне или в условиях частичной юрисдикции (?) элит упомянутых выше культур [Черных, 2007, с. 134–169].

Последнее. Если исходить из изложенной позиции, нет смысла представлять население синташтинских укрепленных поселений как результат дальних миграций из Малой Азии или другого отдаленного от Южного Урала региона, где в предшествующее время имели место круглоплановые укрепленные поселения и высокоразвитое металлопроизводство [Пятых, 2016, с. 127–128]. Вероятно, настало время для выдвижения гипотезы о южноуральском или Урало-Поволжском генезисе синташтинского феномена в контексте развития регионального процесса металлопроизводства (как его организации, так и модели функционирования). Повторюсь, речь идет о формировании синташтинского феномена именно как *некоего транскультурного сообщества кланов горняков — кузнецов — металлургов — литейщиков*.

Кроме того, есть еще одна важная проблема — лингвистическая. Выше уже отмечено, что, по мнению коллег, аборигенное энеолитическое население на обширных территориях между Уралом и Каспийским морем определяется как протоугорязычное [Мосин, 2000, с. 239]. Представители Зауральской энеолитической общности культур геометрической керамики лингвистически определены как финно-угорские [Калиева, Логвин, 1997, с. 161]. Население синташтинских укрепленных поселений говорило, как считает, в частности, Е.Е. Кузьмина, на диалектах индоиранских языков [1986, с. 37]. Усвоение всего пакета синташтинских культурных маркеров в этом случае должно было столкнуться с лингвистическими сложностями. Помимо обозначенной проблемы имеет смысл упомянуть и о трудностях заимствования у чуждого во всем населения идеологических парадигм. Таких, например, как модель пространства семейного некрополя. Так или иначе, специалисты должны вернуться к проблеме лингвистической идентификации носителей аборигенных культур Зауралья и Северного Казахстана энеолитического периода.

В качестве выводов

1. Укрепленное поселение Семиозерное II и укрепленное поселение Аркаим не могут быть ни одновременными, ни культурно идентичными, поскольку керамический комплекс культурного слоя Аркаима свидетельствует о более культурно разнообразной и протяженной во времени его истории, хотя бы и в виде отдельных эпизодов.

2. Стремление некоторых коллег синхронизировать и культурно объединить петровские памятники Северного Казахстана и синташтинские Южного Зауралья вряд ли оправдано, поскольку они глубоко отличны по происхождению, модели функционирования и лишь частично хронологически совпадают.

3. Одной из основных причин разногласий по поводу таксономического статуса петровских памятников Северного Казахстана, их хронологической и культурной атрибуции является отсутствие системно организованной информации. Необходимо направить исследовательские усилия на формирование базы данных по материальной культуре памятников петровского типа Северного Казахстана на *скрупулезном* источниковедческом уровне.

4. Настало время для выдвижения гипотезы о южноуральском или урало-поволжском генезисе синташтинского феномена в контексте развития регионального процесса металлопроизводства (как его организации, так и модели функционирования), о формировании синташтинского феномена именно как *некоего транскультурного сообщества кланов горняков — кузнецов — металлургов — литейщиков*.

5. Автор полагает, что за памятниками синташтинского типа Южного Зауралья необходимо видеть историю транскультурного феномена, объединявшего кланы горняков, металлургов, кузнецов и литейщиков нескольких соседних археологических культур, в частности абашевской Южного Урала, некоей «протосрубной» Южного Урала. В меньшей степени фиксируется присутствие носителей квазиэнеолитических культур Северного Казахстана.

6. Необходимо отметить и резкое изменение, в сравнении с синташтинскими памятниками, культурного состава петровских укрепленных поселений и связанных с ними могильников. В гончарстве этих памятников прослеживается, помимо выраженной собственно петровской (раннеалакульской), некая покровская (срубная) составляющая.

7. Петровские укрепленные поселения как места обитания и работы кланов горняков — металлургов — кузнецов — литейщиков существовали параллельно с многочисленными неукрепленными поселениями до тех пор, пока не началась работа целого ряда горно-металлургических центров позднего бронзового века на Южном Урале.

8. Памятники петровского типа в целом отражают ранний этап истории сообщества пастушеских скотоводческих алакульских культур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Виноградов Н.Б.* Хронология, содержание и культурная принадлежность памятников синташтинского типа бронзового века в Южном Зауралье // Вестник ЧГПИ. Ист. науки. Челябинск: ЧГПУ, 1995. № 1. С. 16–26.
- Виноградов Н.Б.* Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э.: (Памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.
- Виноградов Н.Б., Алаева И.П.* Керамическая коллекция из раскопок укрепленного поселения Устье I // Древнее Устье: Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис, 2013. С. 143–178.
- Горбунов В.С.* Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа: Изд-во БГПИ, 1992. 223 с.
- Евдокимов В.В.* Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1983. С. 35–47.
- Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В.* Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана: Учеб. пособие. Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. 138 с.
- Евдокимов В.В., Григорьев С.А.* Металлургические комплексы поселения Семиозерки II // Новое в археологии Южного Урала. Сер. Южный Урал: Природно-климатические факторы и историко-культурные процессы. Челябинск: Рифей, 1996. С. 124–130.
- Евдокимов В.В., Логвин В.Н.* Исследования в Кустанайской области // АО 1971 г. М.: Наука, 1972. С. 287–289.
- Евдокимов В.В., Логвин В.Н., Бурнаева В.Д.* Исследования в Верхнем Притоболье // АО 1974 г. М.: Наука, 1975. С. 484–485.
- Евдокимов В.В., Логвин А.В., Ткачев А.А.* Поселение Семиозерное II // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 30–40.
- Евдокимов В.В., Ткачев А.А.* Работы Карагандинского отряда // АО 1978 г. М.: Наука, 1979. С. 532.
- Зданович Г.Б.* Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1984. С. 3–23.
- Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 177 с.
- Зданович Г.Б., Зданович С.Я.* Могильник эпохи бронзы у с. Петровка // СА. 1980. № 3. С. 183–193.
- Калиева С.С.* О роли «местного» компонента в формировании петровско-синташтинских древностей // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 173–177.
- Калиева С.С., Логвин В.Н.* Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай: Кустанайский печатный двор, 1997. 176 с.
- Калиева С.С., Логвин В.Н.* Некоторые штрихи к проблеме одомашненности лошади терсекских и ботайских памятников // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (13). С. 246–255.
- Китов Е.П.* Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 26 с.
- Кузьмина Е.Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1986. 134 с.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б.* Керамика Аркаима: Опыт типологии // РА. 2004. № 4. С. 67–82.
- Матвеев А.В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 416 с.
- Мосин В.С.* Энеолит // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 149–241.
- Пятых Г.Г.* Реалии синташтинского феномена // РА. 2016. № 2. С. 120–130.
- Усманова Э.Р., Логвин В.Н.* Женские наконечники украшений Казахстана: (Эпоха бронзы). Лисаковск, 1998. 64 с.
- Хохлов А.А., Китов Е.П.* Специфика антропологического состава носителей потапово-синташтинских культурных традиций (по краниологическим материалам Поволжья и Урала переходного времени от средней к поздней бронзе) // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона: (Вопросы хронологии, периодизации, историографии). Самара: ПГСГА, 2014. С. 131–142.
- Черных Е.Н.* Каргалы: Феномен и парадоксы развития. Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М.: Языки славянской культуры, 2007. Т. V. 200 с.
- Шевнина И.В., Логвин А.В.* Синташтинские курганы в Северном Казахстане (по материалам Халвайских курганов) // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона: (Вопросы хронологии, периодизации, историографии): Материалы междунар. науч. конф., 12–14 марта 2014 г. Самара: ПГСГА, 2014. С. 143–150.

**QUESTIONS OF SYNCHRONIZATION, CULTURAL AFFINITY OF SINTASHTA
AND PETROVKA SITES AND THEIR POSSIBLE SOLUTIONS**

The paper is aimed to discuss problems of synchronization and cultural affinity of Sintashta and Petrovka sites. The author denies a possibility of complete synchronization of Sintashta and Petrovka sites. He believes that comparing Sintashta and Petrovka sites, we try to compare incomparable phenomenon: materialized remnants of the history of a community of the Sintashta clans of miners, metal-makers, blacksmiths, foundrymen, on the one hand, and sites of a community of the Alakul pastoral cultures, on the other.

Key words: the Bronze Age, Southern Trans-Urals, Northern Kazakhstan, Sintashta sites, Petrovka sites, clans of miners, metal-makers, blacksmiths, foundrymen, Alakul cultural-historical community sites.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-038-047

REFERENCES

- Chernykh E.N., 2007. *Kargaly: Fenomen i paradoksy razvitiia. Kargaly v sisteme metallurgicheskikh provintsi. Potaennaia (sakral'nai) zhizn' arkhainykh gornikov i metallurgov* [Kargaly: Phenomenon and paradoxes of development. Kargaly in the system of metallurgical provinces. Secret (sacred) life of archaic miners and metal-makers], vol. 5, Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 200 p.
- Evdokimov V.V., 1983. Khronologiya i periodizatsiya pamiatnikov epokhi bronzy Kustanaiskogo Pritobol'ia [Chronology and periodization of the Bronze Age sites of the Tobol River basin in Kustanai region]. *Bronzovyi vek stepnoi polosy Uralo-Irtyskogo mezhdurech'ia*, Cheliabinsk: ChelGU, pp. 35–47.
- Evdokimov V.V., Grigor'ev S.A., 1996. Metallurgicheskie komplekсы poseleniia Semiozerki II [Metallurgical complexes of the settlement of Semiozerky II]. *Novoe v arkheologii luzhnogo Urala*, Seriya luzhnyi Ural: Prirodno-klimaticheskie faktory i istoriko-kul'turnye protsessy, Cheliabinsk: Rifei, pp. 124–130.
- Evdokimov V.V., Logvin V.N., 1972. Issledovaniia v Kustanaiskoi oblasti [Researches in Kustanai region]. *Archeologicheskie otkrytiia-1971*, pp. 287–289.
- Evdokimov V.V., Logvin V.N., Burnaeva V.D., 1975. Issledovaniia v Verkhnem Pritobol'e [Researches in the Upper Tobol River basin]. *Archeologicheskie otkrytiia-1974*, pp. 484–485.
- Evdokimov V.V., Logvin A.V., Tkachev A.A., 2016. Poselenie Semiozernoe II [The settlement of Semiozernoye II] *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 2 (33), pp. 30–40.
- Evdokimov V.V., Tkachev A.A., 1979. Raboty Karagandinskogo otriada [Works of the Karaganda expedition]. *Archeologicheskie otkrytiia-1978*, p. 532.
- Evdokimov V.V., Varfolomeev V.V., 2002. *Epokha bronzy Tsentral'nogo i Severnogo Kazakhstana* [The Bronze Age in Central and Northern Kazakhstan], Karaganda: KarGU, 138 p.
- Gorbunov V.S., 1992. *Bronzovyi vek Volgo-Ural'skoi lesostepi* [The Bronze Age of the Volga-Ural forest-steppe region], Ufa: BGPI, 223 p.
- Kalieva S.S., 2005. O roli «mestnogo» komponenta v formirovaniі petrovsko-sintashtinskikh drevnostei [On the role of the «local» component in the formation of the Petrovka-Sintashta antiquities]. *Zapadnaia i luzhnaia Sibir' v drevnosti*, Barnaul: Izd-vo AltGU, pp. 173–177.
- Kalieva S.S., Logvin V.N., 1997. *Skotovody Turgaia v tret'em tysiacheletii do nashei ery* [Turgai cattlefarmers in the third millennium BC], Kustanai: Kustanaiskii pechatnyi dvor, 176 p.
- Kalieva S.S., Logvin V.N., 2011. Nekotorye shtrikhi k probleme odomashnennosti loshadi tersekskikh i bo-taiskikh pamiatnikov [Some strokes to the problem of domesticated horses at the Tersekh and Botay sites]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 2 (13), pp. 246–255.
- Khokhlov A.A., Kitov E.P., 2014. Spetsifika antropologicheskogo sostava nositelei potapovo-sintashtinskikh kul'turnykh traditsii (po kraniologicheskim materialam Povolzh'ia i Urala perekhodnogo vremeni ot srednei k pozdnei bronze) [Specificity of anthropological composition of bearers of the Potapov-Sintashta cultural traditions (based on craniological materials of the Volga River basin and the Urals during the transition period from the Middle to the Late Bronze)]. *Protseess kul'turogeneza nachal'noi pory pozdnego bronzovogo veka Volgo-Ural'skogo regiona: (Voprosy khronologii, periodizatsii, istoriografii)*, Samara: PGSGA, pp. 131–142.
- Kitov E.P., 2011. *Paleoantropologiya naseleniia luzhnogo Urala epokhi bronzy* [Paleoanthropology of the Bronze Age population of the Southern Urals]. Avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Moscow, 26 p.
- Kuz'mina E.E., 1986. *Drevneishie skotovody ot Urala do Tian'-Shania* [The ancient herdsmen from the Urals to the Tian Shan], Frunze: Ilim, 134 p.
- Maliutina T.S., Zdanovich G.B., 2004. Keramika Arkaima: Opyt tipologii [Ceramics of Arkaim: An effort of typology]. *Rossiyskaia arkheologiya*, no. 4, pp. 67–82.

Проблемы синхронизации, культурной близости памятников синташтинского и петровского типов...

Matveev A.V., 1998. *Pervye andronovtsy v lesakh Zaural'ia* [The first Andronovo people in the Trans-Ural forests], Novosibirsk: Nauka, 416 p.

Mosin V.S., 2000. Eneolit [The Eneolithic]. *Drevniaia istoriia luzhnogo Zaural'ia*, Cheliabinsk: Izd-vo IuUrGU, pp. 149–241.

Piatykh G.G., 2016. Realii sintashtinskogo fenomena [Realities of the Sintashta phenomenon]. *Rossiyskaya arkheologiya*, no. 2, pp. 120–130.

Shevnina I.V., Logvin A.V., 2014. Sintashtinskie kurgany v Severnom Kazakhstane (po materialam Khalvaiskikh kurganov) [Sintashta mounds in Northern Kazakhstan (based on materials of the Khalvay mounds)]. *Protsess kul'turogeneza nachal'noi pory pozdnego bronzovogo veka Volgo-Ural'skogo regiona: (Voprosy khronologii, periodizatsii, istoriografii)*, Samara: PGSGA, pp. 143–150.

Usmanova E.R., Logvin V.N., 1998. *Zhenskie nakosnye ukrasheniia Kazakhstana: (Epokha bronzy)* [Women plait adornments in Kazakhstan: (The Bronze Age)], Lisakovsk, 64 p.

Vinogradov N.B., 1995. Khronologiya, sodержanie i kul'turnaia prinadlezhnost' pamiatnikov sintashtinskogo tipa bronzovogo veka v luzhnom Zaural'e [Chronology, content and cultural identity of the Bronze Age Sintashta sites in the Southern Trans-Urals]. *Vestnik ChGPI*, Istoricheskie nauki, no. 1, pp. 16–26.

Vinogradov N.B., 2011. *Stepi luzhnogo Urala i Kazakhstana v pervye veka II tys. do n.e.: (Pamiatniki sintashtinskogo i petrovskogo tipa)* [Steppe of the Southern Urals and Kazakhstan in the first centuries of the II millennium BC.: (Sintashta and Petrovka types)], Cheliabinsk: Abris, 175 p.

Vinogradov N.B., Alaeva I.P., 2013. *Keramicheskaia kolleksiia iz raskopok ukreplennogo poseleniya Ust'e I* [The ceramics collection from the excavation of the fortified settlement of Ustje I] *Drevnee Ust'e: Ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e*, Chelyabinsk: Abris, pp. 143–178.

Zdanovich G.B., 1984. *Otnositel'naia khronologiya pamiatnikov bronzovogo veka Uralo-Kazakhstanskikh stepei* [Relative chronology of the Bronze Age sites in Ural-Kazakhstan steppes]. *Bronzovyi vek Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia*, Cheliabinsk: ChelGU, pp. 3–23.

Zdanovich G.B., 1988. *Bronzovyy vek Uralo-Kazakhstanskikh stepey* [The Bronze Age of the Ural-Kazakhstan steppes], Sverdlovsk: Izd-vo UrGU, 177 p.

Zdanovich G.B., 1997. Arkaim — kul'turnyi kompleks epokhi srednei bronzy luzhnogo Zaural'ia [Arkaim, a cultural complex of the Middle Bronze Age in the Southern Trans-Urals]. *Rossiyskaya arkheologiya*, no. 2, pp. 47–62.

Zdanovich G.B., Zdanovich S.Ya., 1980. Mogilnik epokhi bronzy u s. Petrovka [A burial ground of the Bronze Age near the village of Petrovka], *Sovetskaia arkheologiya*, no. 3, pp. 183–193.